

УДК 165.62

Е.И. Жук

*магистр филос. наук, аспирант 2 года обучения каф. философии культуры
Белорусского государственного университета
e-mail: zhuke93@gmail.com*

ФИЛОСОФИЯ М. ДЕ СЕРТО КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Статья посвящена содержательной реконструкции философии М. де Серто в качестве методологического базиса феноменологических исследований языка и речи. Именно мыслители феноменологического направления ставят речь на первый план в изучении языковой способности, поскольку не столько системный характер языка, сколько адресность и индивидуальность речи связывает Я и Другого в пространстве диалога. В книге «Изобретение повседневности» М. де Серто рассматривает такие языковые практики, как чтение и говорение, в качестве особых способов производства, осуществляемых считающимся пассивным потребителем. Данные практики участвуют в постоянном преобразовании смыслов, навязываемых письмом как стратегией, открывают пространство для полифонии и встречи с Другим. Таким образом, рассмотрение языковых практик в контексте концепции повседневности М. де Серто оказывается весьма продуктивно в экспликации основополагающего для феноменологии характера речи как феномена, связующего Я и Другого.

Введение

Целью статьи является содержательная реконструкция теории М. де Серто как методологического базиса феноменологических исследований языка и речи. К осуществляемым в статье задачам относятся рассмотрение философии М. де Серто в рамках ее соотношения с феноменологической традицией и экспликация тактического характера чтения и говорения в качестве повседневных языковых практик. В качестве базового источника выступает книга «Изобретение повседневности», в которой М. де Серто представляет свою концепцию стратегий и тактик в контексте исследования практик повседневной жизни.

Практика живого звучащего говорения, которое осуществляется всеми людьми в пространстве «здесь и сейчас», долгое время выпадала из поля зрения философских исследований. Многие авторы, разводящие феномены языка и речи, как, например, это делает Ф. де Соссюр, основное внимание уделяли именно исследованию языка как системы, предпочитая его исследованию речи как практики звучащего говорения. Речь же называли фактически языком в использовании, говорили о множественности и индивидуальности речей, но не пытались раскрыть, в чем состоит собственный потенциал феномена речи. Обсуждалось, в чем состоит потенциал языка в творении культуры, но ключевыми в таких исследованиях оказывались именно системные элементы языка, так как в них можно уловить некоторую стабильность и всеобщность. Например, показывали, как национальная культура вырастает из национального языка, как роднит представителей этой культуры погруженность в общую систему, насколько важна для рода человеческого погруженность в язык как некую надсистему, вбирающую все национальные языки, имеющую особый структурно-функциональный порядок. За границами обсуждения оставалось то, какой потенциал несет в себе языковая практика речи. Можно предположить, что это связано именно со спецификой практики речи: она разлита во времени, она текуча, она принадлежит всем и каждому, т.е. видоизменяется бесконечное количество раз. Речь оказывается трудноуловимой для философского

Научный руководитель – Е.В. Беляева, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

взгляда, как и все феномены повседневной жизни, как сама повседневная жизнь. Даже в работах таких ярких представителей феноменологии, как М. Мерло-Понти и М.М. Бахтин, для чьих концепций выдвижение на первый план феномена речи оказывается содержательно важным (поскольку прежде всего речь связывает Я и Другого), не обнаруживается эксплицитного описания всех существенных особенностей речи. Систематизация данных особенностей позволила бы продемонстрировать, почему анализ феномена речи помогает разобраться в онтологических предпочтениях феноменологической традиции и почему именно живая речь (а не система языка) есть практика, связующая все ключевые аспекты человеческого бытия.

Подобную систематизацию можно отыскать в концепции М. де Серто, предпринявшего смелую и успешную попытку анализа ускользающих практик и скрытого производства. Посему именно идеи М. де Серто могут представить продуктивную методологическую базу для феноменологического исследования языка и речи.

Философия М. де Серто и феноменологическая традиция

Мишель де Серто – многогранный французский мыслитель, вовлеченный одновременно и в философские, и в социологические, и в исторические исследования; наибольшую известность он получил как автор одной из самых проработанных концепций повседневности. Наиболее продуктивным аспектом теории М. де Серто является то, что он подчеркивает амбивалентную природу человеческого существования, погруженность одновременно в повседневное и неповседневное, в переплетение места и времени, публичного и частного и т.д. Впрочем, замечая погруженность человека в подобного рода переплетения, М. де Серто в определенном смысле наследует концепции М. Мерло-Понти, поскольку с помощью введенного последним термина «*l'ineinander*» можно охарактеризовать отношение между повседневным и неповседневным, хотя автор концепта изначально применял его к описанию особенностей нашего телесного присутствия в мире. М. де Серто близок феноменологической традиции не только кругом рассматриваемых им проблем, но самым подходом. М. де Серто не стремится избавиться от наблюдения двойственности и не стремится иерархизировать различные «парные» феномены. Он делает попытку по-иному взглянуть на антиномии: «В мышлении, которое полагает эти антиномии, они основываются на принципе единственного истока (археология основоположений) или окончательного примирения (телеологическое понятие), и таким образом на дискурсе, поддерживаемом этим референциальным единством. Напротив, я полагаю, хотя здесь и не место объяснять это подробно, что изначально является множественное; что различие является конституирующим началом для собственных границ и что язык предназначен постоянно скрывать структурирующее разделение посредством символического» [1, с. 52–53]. Целое человеческого существования творится, таким образом, именно в различии, на пересечении, в том числе повседневного и неповседневного, языка и речи и т.д.

Только подобный подход, улавливающий различия, не стремящийся выстроить последовательную монологичную объяснительную схему, и мог состояться в отношении повседневных практик, необходимость теоретического исследования которых обострилась в связи с непредсказуемостью Парижских событий 1968 г. Не только современные этим событиям мыслители вынуждены были признать несостоятельность многих теоретических моделей для объяснения поведения обычного человека (известный лозунг «Структуры не выходят на улицы»), но и французское правительство обеспокоилось тем, что подобный ход развития событий не был предусмотрен. «Изобретение повседневности» стало результатом научной работы целой группы специально объединившихся под руководством М. де Серто исследователей, которые трудились над данным проектом по заказу и при финансировании французских правительственных струк-

тур. Исследование М. де Серто (хотя и незаконченное) действительно открыло новые горизонты в понимании повседневности, а его идеи могут быть продуктивно переосмыслены и встроены в рассмотрение самых разных аспектов человеческого существования и сегодня. Концепция М. де Серто занимает значимое место и потому, что он анализировал собственно языковые практики (говорение, письмо, чтение), и потому, что в терминах его концепции можно продемонстрировать, как речь не только сопутствует встрече с Другим и диалогу, открывая путь в большое время человеческой жизни, но, сама являясь повседневной практикой, помогает «выжить» в малом времени. Чтобы проиллюстрировать это, необходимо детально разобрать представление М. де Серто о повседневной жизни.

Наиболее продуктивными в методологическом плане являются два аспекта концепции М. де Серто: 1) его исследование повседневных практик как особого способа производства и 2) его идея о разведении стратегий и тактик. О М. де Серто пишут, что «он предлагает гипотезу, согласно которой существует альтернативный способ деятельности, производимый теми, кто потребляет. Активность потребителей всегда скрыта, более того, их роль описывается как пассивная. Однако в действительности потребители создают обширную сеть сопротивления превосходству, учреждаемому производством... Примеры такого “молчаливого производства” можно видеть практически всюду, но мы не привыкли замечать их. Они растворены в многочисленных культурных практиках, особенно в тех, что являются ежедневными» [2, с. 86–87].

Разграничение М. де Серто стратегий и тактик позволяет ему эксплицировать характер повседневным практик, являющихся корнем производственной активности потребителей: «Чтобы “схватить” специфику этого потребительского производства, Серто предлагает концепт “тактики”. Повседневные практики по своему характеру тактические. Но их тактическая сущность обнаруживается в их противоположности стратегиям... Официальная культура базируется на производстве стратегий. Они учреждают определенную структуру с помощью системы собственных мест, которые становятся точками подавления. Девиантные и рассеянные тактики допускают возможность ускользнуть от власти стратегий с помощью ряда операций, специфической мудрости, которую античные греки называли “metis”» [2, с. 91–92]. Обычный человек, зачастую неосознанно, пытается ускользнуть от авторитарной силы стратегии, вовлекаясь в разнообразную сеть тактик, – и именно так, прочерчивая собственные эскапистские пути, человек и существует, погруженный одновременно в повседневное и неповседневное.

Чтение и говорение как повседневные языковые практики

М. де Серто посвящает целую главу своей книги исследованию языковых практик: письму, чтению, говорению. Он полагает, что исследование языка и того, как он существует в повседневности, облегчит теоретическую задачу исследователя этих трудноуловимых повседневных практик, ведь в данном случае язык оказывается и предметом, и полем исследования. Разумеется, и сам язык предстает здесь через языковые практики: «Рассуждать о языке “изнутри” обыденного языка, не имея возможности “владеть картиной”, наблюдать с удаленной позиции, – значит схватывать его как ряд практик, в которые мы вовлечены и через которые действует проза мира» [1, с. 77]. Кроме того, М. де Серто утверждает, что само наше общество настолько проникнуто письменными практиками, что пара «письмо – чтение» вполне является эквивалентом паре «производство – потребление»: «Чтение – это лишь один, но наиболее фундаментальный аспект потребления. В обществе, которое становится все более и более письменным, в основании которого лежит власть менять вещи и преобразовывать структуры исходя из моделей письма (научных, экономических, политических), которое постепенно превращается в многоаспектные “тексты” (административные, урбанистические,

индустриальные и т.д.), пару “производство – потребление” можно нередко заменить ее эквивалентом и основным выразителем – парой “письмо – чтение”» [1, с. 282–283].

Данная пара языковых практик действительно прекрасно иллюстрирует оба факта, которые называет М. де Серто касательно феномена потребления: во-первых, существуют позиции в нашем обществе, которые признаны пассивными и остаются незамеченными (это позиция обычного человека), и, во-вторых, такие позиции всегда на самом деле характеризуются особым рода активностью, скрытым производством. Позицию читателя принято считать непременно пассивной, что имеет под собой многовековую историю. В Средние века – пассивная восприимчивость прихожанина по отношению к тексту Священного Писания, в век Просвещения – убежденность, что книга и популяризация знаний способны реформировать общество, в наше время – массмедиа как новая церковь.

М. де Серто пишет: «Социальное и техническое функционирование современной культуры устанавливает иерархию этих двух видов деятельности. Писать – значит производить текст; читать – значит получать его от другого, не отмечая в нем своего места, не переделывая его» [1, с. 284]. Чтение предстает как получение текста, впрочем, текст этот также можно понимать не буквально, раз мы проецируем практику чтения на потребление в целом: «читать» можно общественный порядок, «текстом» которого будет являться закон, который мы, «обычные» люди, воспринимаем, но не изменяем; «читать» можно структуру супермаркета, в который мы приходим якобы потреблять, но не изменять. Разделение двух видов деятельности в нашем обществе – производства и потребления текста – неоспоримо, но не следует забывать, что потребление не характеризуется полной пассивностью, оно запускает в ход новое производство. «Читать, – пишет М. де Серто, – значит странствовать внутри навязанной системы (системы текста, аналогичной сконструированному порядку города или супермаркета)» [1, с. 284–285]. Конечно, это новое производство, скрытое в практиках повседневной жизни, не анонсируется в СМИ, не становится законом, не превращается в письмо, фундируемое властными стратегиями. Однако оно осуществляется ежедневно каждым из нас, каждым «обычным» человеком; это постоянное преобразование поступающих к нам текстов детерминирует нашу повседневную активность, способы восприятия мира, способы отношений с миром. Оставаясь долгое время не замеченным властными стратегиями, это молчаливое преобразование, это создание собственных способов отношений с миром может ярко вырваться на поверхность общественной жизни под влиянием крупных потрясений, как это случилось в 1968 г. Разумеется, зафиксированный в СМИ, этот взрыв становится очередным монологичным текстом, исходящим из лона стратегии, который может использоваться в построении новых стратегий структурирования общественных практик. Публика снова возвращается на свои места «пассивных потребителей». Однако считать, что эта «муравьиная деятельность» (как ее называет М. де Серто) по созданию собственных способов делания хоть на время прекращается, – значит не понимать самой сути акта потребления, что, впрочем, характеризовало до недавнего времени наш теоретический горизонт и поныне характеризует многие общественные институты. «Власть, учрежденная волей (реформистской, научной, революционной или педагогической) переделывать историю, благодаря операциям письма, осуществлявшимся первоначально в ограниченном поле, имеет следствием основополагающее разделение между письмом и чтением» [1, с. 283], и она оказывается неготовой к тому, что история делается каждый день обычным человеком, что иногда выливается в поистине громкие исторические всплески.

М. де Серто демонстрирует, что даже данная такая непризнанная деятельность, как чтение, является на самом деле скрытым производством. Но в таком случае практика говорения должна, безусловно, восприниматься как практика производящая, ведь,

казалось бы, активность говорящего субъекта несомненна: она воспринимается нами элементарно телесно, через органы слуха. Как бы то ни было, речь обычного человека часто оказывается как бы погруженной в небытие: ее производящий потенциал игнорируется общественными институциями, ведь креативная деятельность обычного человека как бы нелегитимна. Можно предположить, что это приводит к тому, что сам обычный человек начинает несерьезно, снисходительно относиться к своей повседневной речи (как к некоей болтовне), а затем начинает сомневаться в своем голосе, в праве голоса, даже в тот момент, когда ему предоставляют пространство для «общественного» высказывания. В свою очередь, определенная теоретическая невнимательность к феномену речи связана, очевидно, не только с тем, что эту тактическую практику стремятся игнорировать властные стратегии, но с определенными трудностями в ее анализе. Тем не менее именно тактические социальные практики, постоянно видоизменяющиеся и принадлежащие всем и никому в отдельности, способны предоставить площадку для сопротивления монологизирующим стратегиям. Ведь эти практики, из которых состоит вся повседневная жизнь, способны вобрать в себя бесконечное множество других, оставляя за ними при этом право на постоянное видоизменение. И практика говорения как одна из тактических практик повседневности оказывается, таким образом, открыта полифонии. Следовательно, именно в пространстве наших повседневных речей мы должны быть готовы к встрече с подлинным другим и к завязыванию диалога. Значит, такие языковые практики, как чтение и говорение, несмотря на его кажущуюся пассивную природу, погруженные в пространство повседневности, являются постоянным преобразованием навязываемых извне смыслов и предоставляют обычному человеку площадку для встречи с другим, понимания и диалога.

Заключение

Практика говорения долгое время занимала вторичное место в философских исследованиях, даже когда т.н. лингвистический поворот в философии знаменовал новую эпоху в изучении языковой способности человека. В исследованиях структуралистского и аналитического направлений на первый план выходил язык как система. Его стабильный и всеобъемлющий характер позволял исследовать соотношение высказывания и истины, возможности «искусственного» языка математики, значимость языка в построении культурного мира. За пределами рассмотрения оказывался феномен речи, понимаемой как способ повседневного использования языка. Собственный потенциал речи, живого говорения, раскрывается в исследованиях мыслителей феноменологического толка, поскольку они обращают внимание на адресность высказывания и основополагающий характер говорения в построении диалога Я и Другого. В рамках этого направления концепция М. де Серто может быть представлена как подходящий методологический базис, который при рассмотрении функционирования пространства повседневности в целом особое внимание обращает на языковые практики: письмо, чтение, говорение. Две базовые идеи, которые М. де Серто выдвигает относительно общества, представляющего собой сегодня «маргинальное большинство», оказываются продуктивными с точки зрения выдвижения на первый план живой индивидуализированной речи в исследованиях языковой способности. М. де Серто утверждает, что статус обычного человека, потребителя ложным образом воспринимают как пассивный: обычный человек вовлечен в ежедневное производство, так как потребление есть всегда преобразование навязываемых извне смыслов и способов делания. Также М. де Серто заявляет о тактическом характере повседневных практик, составляющих корень этого ежедневного производства: каждая практика преобразует систематизированный порядок вещей и, сопротивляясь монологизирующим стратегиям, обращает смыслы и способы делания «в свою пользу». Таким образом, чтение не есть лишь пассивное потребление письма

(а эта оппозиция, по М. де Серто, дублирует соотношение «производство – потребление»), но является творческим преобразованием и переосмыслением. В свою очередь, речь как практика говорения в контексте повседневности не обладает угнетенным статусом по отношению к стратегическому письму, навязывающему смыслы системы, а наделена собственной смысложизненной функцией: будучи способной ускользать от диктата письма и монологизма, она открывает пространство полифонии и встречи с другим, благодаря чему индивидуализированные голоса и новые смыслы постепенно преобразуют пространство культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Серто, М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
2. Феноменология повседневности / под ред. И. М. Наливайко и М. Б. Тина. – Вильнюс : Логвінаў, 2015. – 380 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.03.2018

Zhuk E.I. M. De Certeau's Philosophy as Methodological Basis for Phenomenological Studies of Language and Speech

This article is dedicated to the substantial reconstruction of Certeau's philosophy as methodological basis for phenomenological studies of language and speech. It is the thinkers of phenomenological approach who bring speech to the forefront in the study of the linguistic ability, because not only the systematic character of language, but, largely, addressability and individuality of speech connects I and the Other in the space of dialogue. In his book «Practice of Everyday Life», Certeau describes linguistic practices of reading and speaking as the specific modes of production carried out by a consumer, who is usually seen as passive. These practices participate in the constant transformation of meanings, which are imposed by strategic writing, and open up the space for polyphony and meeting with the Other. Thus, studying the linguistic practices within the context of Certeau's philosophy of everyday life is productive for explication of speech as basic phenomenon connecting I and the Other.